
СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

SOCIAL AND ENVIRONMENTAL PROBLEMS OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT

УДК 81'22:502.22

ЭКОЛОГИЯ СЕМИОСФЕРЫ: ТРАДИЦИИ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

А. А. ГИРУЦКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220050, г. Минск, Беларусь

Рассматривается семиосфера как концептуальное понятие семиотики, соотношение семиосферы и биосферы, семиосферы и ноосферы. Дана общая характеристика фундаментальным законам экологии как науки, их месту в универсуме знания, проявлению в семиосфере. Утверждается, что первый закон экологии «все связано со всем» проявляется в том, что основой связи «всего со всем» выступает информация, универсальным носителем которой является слово. Сделан вывод, что матрица слова как идеальная структура существует в сознании человека в виде голограммы, связанной с нейронными сетями мозга. В рамках первого закона экологии охарактеризована сущность слова как универсальной матрицы мироздания. Рассмотрены вопросы зарождения экологического подхода к семиосфере на примере взаимодействия языка и некоторых иных знаковых систем с религией. Делаются выводы о необходимости усиления экологической защиты семиосферы как части универсума мироздания, развертывания научных исследований и практических разработок в этом направлении, расширения конкретных исследований в области эколингвистики и экологии культуры.

Ключевые слова: семиосфера; семиотика; биосфера; ноосфера; экология; законы экологии; матрица слова; голограмма; матрица языка; матрица Абсолюта; экология языка; иконоборчество; экология религии.

Образец цитирования:

Гируцкий А. А. Экология семиосферы: традиции и новые подходы // Журн. Белорус. гос. ун-та. Экология. 2019. № 1. С. 4–17.

For citation:

Girutskij A. A. Ecology of semiosphere: tradition and new approaches. *J. Belarus. State Univ. Ecol.* 2019. No. 1. P. 4–17 (in Russ.).

Автор:

Анатолий Антонович Гируцкий – доктор филологических наук, профессор; профессор, кафедры языкознания и лингводидактики.

Author:

Anatolij A. Girutskij, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of linguistics and linguodidactics. hirutski@mail.ru

---

ECOLOGY OF SEMIOSPHERE: TRADITION AND NEW APPROACHES

A. A. GIRUTSKIJ^a

^aBelarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
18 Savietskaja Street, Minsk 220050, Belarus

The article discusses such issues as semiosphere as a conceptual notion of semiotics, the ratio of the semiosphere and the biosphere, the semiosphere and the noosphere. A general description of fundamental laws of ecology as a science, their place in the universe of knowledge and their manifestation in the semiosphere is given. In particular, it is argued that the first law of ecology «everything is connected with everything» is demonstrated in the fact that the basis of the connection of «everything is in everything» is information, the universal carrier of which is the word. It is concluded that the word matrix as an ideal structure exists in the human mind in the form of a hologram associated with the neural networks of the brain. Within the framework of the first law of ecology, the essence of the word as a universal matrix of the macrocosm is characterized. The issues of the origin of the ecological approach to the semiosphere are considered using the example of interaction of language and some other sign systems with religion. Conclusions are drawn about the necessity to improve the ecological protection of the semiosphere as part of the universe, to develop scientific research and practical studies in this direction, to expand specific research in the field of ecolinguistics and ecology of culture.

Keywords: semiosphere; semiotics; biosphere; noosphere; ecology; laws of ecology; word matrix; hologram; language matrix; matrix of the Absolute; the ecology of language; aniconism; ecology of religion.

Введение

Семиосфера как концептуальное понятие семиотики. Понятие *семиосферы* (греч. *sēmeion* – знак, признак + *sphaire* – шар) возникло из развития семиотики (иначе – семиологии) как науки о знаках и знаковых системах, семиотических идей создателей этой науки – американского философа, логика и математика Ч. Пирса [1], его последователя, американского философа Ч. Морриса [2], швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра [3].

Общие принципы семиотики первоначально были сформулированы Ч. Пирсом и Ф. де Соссюром практически одновременно и независимо друг от друга. Эмпирической базой этих принципов явились наблюдения над естественным языком. При этом семиотика Ч. Пирса строилась как особый вариант математической логики. В отличие от него, Ф. де Соссюр пытался определить знаки и знаковые системы, которые могли бы составлять объект семиотики. В американском варианте новая наука получила название *семиотики*, а в европейском – *семиологии*. Ф. де Соссюр определил одно из главных, по его мнению, направлений семиологии: изучение естественного языка как знаковой системы, поскольку язык выступает в качестве универсальной знаковой системы, которую человек использует в коммуникации.

Определенное время семиотику понимали, прежде всего, как науку о коммуникативных системах и знаках, используемых человеком в процессе общения. Семиотические проблемы на начальном, или доктринальном, этапе развития науки (конец XIX – середина XX в.) разрабатываются главным образом гуманитарной наукой и охватывают три научные сферы: лингвистическую, логико-математическую и философскую. На втором этапе, который именуют институциональным (середина – конец XX в.), формируются различные школы семиотики, создается Международная организация семиотических исследований (IASS, 1969 г.). К моменту проведения первого Международного конгресса по семиотике (Милан, 1974 г.) формируются основные разделы семиотики: лингвосемиотика, семиотика литературы, семиотика культуры, психосемиотика, этносемиотика, социосемиотика, семиотика религии, биосемиотика и др.¹ Широкая экспансия семиотики на другие науки и культуру, иные области человеческой деятельности, широкий разброс мнений на объект семиотики поставили перед необходимостью выработки какого-то базисного концепта, объединяющего в одной научной парадигме все многообразие семиотических направлений. Такая попытка была предпринята Ю. М. Лотманом в статье «О семиосфере» [5]. Основные положения своей концепции семиосферы, уточняя и расширяя некоторые из них, Лотман реализует в ряде последующих работ, посвященных анализу конкретных семиотик – художественной литературы, театра, кино, культуры и искусства в целом.

Понятием *семиосферы* Ю. М. Лотман хотел отойти от «атомарности» подхода и стремился рассмотреть семиотику не как набор различных направлений со своими элементарными символами или

¹ Следует отметить, что представленная этапность развития семиотики в известной мере условна, поскольку истоки и корни семиотики обнаруживают уже в античности, а ее становление происходит весь хронологический период, вплоть до работ классиков (Ч. Пирс, Ч. Моррис, Ф. де Соссюр). С историей семиотических идей и характеристикой некоторых направлений семиотики институционального периода можно ознакомиться в книге Ю. С. Степанова «Семиотика» [4].

актами, но как полноценную систему. Семиосфера, по Лотману, представляет собой условие, необходимую предпосылку для осуществления коммуникаций и существования языков и их работы в семиотическом пространстве. Язык в этом контексте рассматривается как функция семиотического пространства. Все участники коммуникации изначально погружены в это пространство, которое обеспечивает работу устройства, состоящего из адресата, адресанта и связывающего их канала. Только внутри такого пространства возможен семиозис (др.-греч. σημείωσις – обозначение) – процесс, в котором оказывается «возможной реализация коммуникативных процессов и выработка новой информации» [5, с. 6].

Семиосфера и биосфера. Ю. М. Лотман признает, что термин «семиосфера» создан им по аналогии с введенными академиком В. И. Вернадским понятиями биосферы и ноосферы. Опираясь на разработанное академиком В. И. Вернадским учение о биосфере как совокупности живого вещества Земли, проявляющего себя как единый организм, ученый применяет подобный подход к понятию семиосферы. Он считает, что все семиотическое пространство можно рассматривать как «семиотический континуум, заполненный разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями» [5, с. 6]. Как биосфера первична по отношению к отдельному организму, так и семиосфера первична к любому отдельному языку или тексту. А всякий процесс означивания, осуществляемый индивидом, привязан к семиотическому универсуму. Иными словами, выделяемый В. И. Вернадским признак организованности биосферы в частях и в целом², Ю. М. Лотман распространяет на семиосферу, считая важнейшей в ней саму «большую систему», которой выступает семиосфера, а не отдельные «кирпичики» – составляющие ее языки [5, с. 7].

Другой характерный признак, который отмечает академик В. И. Вернадский в строении биосферы, – ее разнородность. Он пишет: «Чрезвычайно характерна в строении биосферы ее физико-химическая и геометрическая разнородность. Она состоит из живого вещества и вещества косного, которые на протяжении всего геологического времени резко разделены по своему генезису и по своему строению» [6, с. 247]. Ю. М. Лотман также полагает, что семиосфера включает в себя множество отдельных семиотик, отличающихся происхождением и структурой.

Биологические аналогии Лотмана, раскрывающие параллель между семиосферой и организмом, проявляются и в таком признаке семиосферы как отграниченность. У В. И. Вернадского в биосфере граница существует между живым и косным веществом. Между ними «есть, однако, непрерывная, никогда не прекращающаяся связь, которая может быть выражена как непрерывный биогенный ток атомов из живого вещества в косное вещество биосферы и обратно» [6, с. 247–248]. У Ю. М. Лотмана семиосфера тоже отграничена от окружающего ее внесемиотического пространства, выход в которое однако возможен.

Отграниченность семиосферы заключается в том, что она не может соприкасаться с иносемиотическими знаковыми единицами. Для того чтобы впустить иные единицы в семиотическое пространство, необходим «перевод» этих единиц на его внутренний язык. Этот процесс ученый называет «семиотизацией фактов». За осуществление такой трансформации отвечает граница семиосферы. Общая граница семиосферы пересекается в ней границами частных семиотических пространств. Граница сравнивается им с пленкой, мембраной клетки, которые переводят внешние раздражения на язык нервной системы. Граница у Лотмана является важнейшей функциональной и структурной частью семиотического механизма, выступая областью ускоренных семиотических процессов. С их помощью семиосфера может выходить на контакт с внешним для нее миром, иным семиотическим пространством [5, с. 7–11].

При всех аналогиях с биосферой концепция семиосферы Ю. М. Лотмана направлена, прежде всего, на коммуникативные процессы, которые реализуются в человеческом обществе. «Жизнь всякого существа, – пишет ученый, – представляет собой сложное взаимодействие с окружающей его средой. Организм, не способный реагировать на внешние воздействия и к ним приспособляться, неизбежно погиб бы. Взаимодействие с внешней средой можно представить себе как получение и дешифровку определенной информации. Человек оказывается с неизбежностью втянутым в напряженный процесс: он окружен потоками информации, жизнь посылает ему свои сигналы. Но сигналы эти останутся не услышанными, информация – непонятой и важные шансы в борьбе за выживание упущенными, если человечество не будет поспевать за все возрастающей потребностью эти потоки сигналов дешифровать и превращать в знаки, обладающие способностью коммуникации в человеческом обществе» [7, с. 17]. Фактически здесь ставится проблема безопасности человечества, связанная с пониманием им важности семиосферы в человеческой жизни и с необходимостью экологии семиотического пространства.

С развитием теории информации, успехами в изучении генетического кода как информационной системы, выявлением структурного изоморфизма генетического кода и естественного языка (Ф. Жакоб [8],

² «Организованность биосферы – организованность живого вещества – должна рассматриваться как равновесия, подвижные, все время колеблющиеся в историческом и в геологическом времени около точно выражаемого среднего», – полагал В. И. Вернадский [6, с. 247].

В. А. Ратнер [9], Т. В. Гамкрелидзе [10], Р. О. Якобсон [11], М. С. Гельфанд [12], Вяч. Вс. Иванов [13] и др.) биологическая составляющая стала одной из частей семиосферы³.

Семиосфера и ноосфера. Учение В. И. Вернадского о биосфере стало общепризнанным в современной науке. Хотя, как отмечают исследователи, экологический бум последнего времени выдвинул на первый план технологические и социально-политические аспекты этого учения, в то время как его научно-философская сущность остается в забвении. Причина этого, по их мнению, заключается в состоянии современного общественного сознания. Оно характеризуется дробностью восприятия («компьютерное мышление»), склонностью к примитивным формализациям, механистическим мировоззрением, что совершенно естественно для техногенной среды, которая окружает нынешнего человека и творит его по своему образу и подобию [16, с. 9].

Не столь признано учение В. И. Вернадского о ноосфере (от греч. *nóos* – разум) – сфере разума планеты, органично вытекающее из концепции биосферы. В сжатом виде, дающем самое общее представление, учение В. И. Вернадского о ноосфере может быть представлено следующим образом.

Возникновение ноосферы протекает как процесс сугубо естественный, связанный с появлением человека разумного, создавшего новую геологическую силу – научную мысль, которая резко увеличила влияние живого вещества в эволюции биосферы. Для В. И. Вернадского научная мысль – это такое же закономерное и естественное явление, которое возникло в ходе эволюции живого вещества, как и человеческий разум. Научная мысль – это часть структуры биосферы; ее создание в эволюционном процессе жизни является величайшим событием в истории биосферы; это новая геологическая сознательно направляемая сила. Научное знание таит в себе безграничную потенцию развития, на Земле оно уже проявляется как биогенная сила, создающая ноосферу. На протяжении длительного времени человек создавал новые типы вещественно-энергетических круговоротов, неизвестные биосфере средства связи, виды живого вещества, подготавливая переход к ноосфере. Наука также эволюционирует вместе с человеком, и процесс этот нельзя ни остановить, ни повернуть вспять. Вместе с тем человек как высшая стадия эволюции живого вещества биосферы перестал укладываться в рамки ее организованности, перерабатывая ее коренным образом, даже местами разрушая. Поэтому существуют опасные для планеты тенденции человеческих преобразований природы, которые истощают планету, разрушают ее биосферу, несут в себе *антигуманные и ложные информационные потоки*, вредные для развития ноосферы. Преодолеть эти тенденции, избежать опасности гибели человечества, по мысли В. И. Вернадского, возможно лишь в случае единства человечества на путях осуществления перехода к сознательно-активной эволюции. Законченное оформление ноосферы произойдет не ранее, чем человек разовьет в себе планетарное сознание и мышление, направленные на сохранение биосферы и развитие ноосферы. По мнению В. И. Вернадского, эволюция биосферы в ноосферу приведет к тому, что человек сможет управлять силами природы и эволюцией живых существ. Человек, обладающий разумом и являющийся частью биосферы, в эпоху ноосферы хаотичному развитию жизни на Земле противопоставит упорядоченное человеческим разумом развитие [6, с. 242–482].

В своих научно-философских воззрениях академик охватывал эволюцию биосферы за миллионы лет и развитие человеческой мысли за века и тысячелетия, что во многом определило его представления о ноосфере. Он полагал, что неуклонный научно-технический прогресс приведет к торжеству разума и столь же разумной организации природы. Он мечтал о такой ноосфере, в которой произойдет расцвет жизни и разума, творческого гения человека. Как отмечают исследователи, этот его прогноз оказался преждевременным. Сегодня на планете и в околоземном пространстве безраздельно господствует техносфера, а ноосфера остается лишь мечтой [16, с. 10].

Из этого краткого обзора учения о ноосфере для нашей темы важными являются два вывода:

1. Ноосфера выступает как информационное пространство совокупного человеческого разума, связанного с биосферой и влияющего на нее.
2. Экология этого информационного пространства есть одновременно и значительнейшая часть экологии биосферы.

Ю. М. Лотман рассматривает ноосферу как область биосферы, организуемой сознанием человечества. Ноосфера у него выступает материально-пространственным образованием, а семиосфера абстрактна [5, с. 6]. Он не раскрывает детально их связь и отличия. Некоторые исследователи основное отличие

³ С. Т. Золян и Р. И. Жданов, например, рассматривают генетический код как информационно-семиотический феномен. По их мнению, обработка генетической информации может рассматриваться как некоторые операции по написанию, чтению и редактированию текста. Это позволяет описать генетическую информацию как двойственный – биохимический и семиотический – феномен и в качестве дополнения к существующим биохимическим методам использовать также и семиотический аппарат. Семиотико-информационный подход к генетическому тексту позволяет найти новые формы упорядочения генетической информации, которая также может быть описана посредством семантических и семиотических характеристик, присущих интеллектуальным объектам [14; 15].

между этими двумя сущностями видят в том, что семиосфера создает коммуникативно-семиотическую структуру ноосферы. Если ноосфера охватывает содержание сознания и его воздействие на реальность, то семиосфера – это система знаковых опор сознания, то есть носителей и передатчиков смыслов, каналов и способов передачи информации [17, с. 81].

Экология семиосферы

Фундаментальные законы экологии как науки и их место в универсуме знания. Современная наука характеризуется глубокой разветвленностью любой отрасли знания и одновременной экспансией каждой науки на другие «территории», образуя в результате сложный симбиоз научного знания. Скажем, нынешняя экология представляет собой комплексную науку, которая включает в свой состав биоэкологию, геоэкологию, гидроэкологию, ландшафтную экологию, этноэкологию, социальную экологию, химическую экологию, радиоэкологию, экологию человека, информационную экологию и др. Точно так же и семиотика находит свои объекты повсюду – в природе, обществе, человеке, литературе и культуре, превращаясь в комплексную науку. Важной задачей в таких условиях является выявление и разработка фундаментальных законов и принципов, объединяющих разрозненное эмпирическое знание в стройную систему.

Считается, что систему законов экологии, представляющую собой методологическое обобщение экологического опыта современности, построил американский ученый Б. Коммонер [18, с. 219], сформулировав их в виде афоризмов [19, с. 19–28]:

1. Первый закон экологии – *все связано со всем*. Он означает, что между различными живыми организмами, между популяциями, видами, а также между отдельными организмами и их физико-химическим окружением существует колоссальная сеть связей в экосфере.

2. Второй закон – *все должно куда-то деваться* – это перефразировка фундаментального физического закона – материя не исчезает. В применении к экологии этот закон означает, что в природе не существует такой вещи, как «мусор». В любой природной системе экскременты и отбросы одних организмов служат пищей для других, чем обеспечивается замкнутый круговорот веществ и стабильное существование биосферы.

3. Третий закон экологии – *природа знает лучше*. По мнению Б. Коммонера, этот закон встречает значительное сопротивление, поскольку он противоречит глубоко укоренившейся уверенности в том, что человеческие существа «обладают уникальной компетентностью». Одной из наиболее характерных особенностей современных технологий является убеждение, что они призваны «улучшить природу» – обеспечить такие продукты питания, одежду, жилище и средства коммуникации, какие природа не может предоставить. Третий закон экологии утверждает также, что любое крупное антропогенное изменение природной системы вредно для нее и содержит призыв крайне осторожно обращаться с природными системами.

4. Четвертый закон экологии гласит – *ничто не дается даром*. По признанию Б. Коммонера, он заимствован им из экономики, поскольку в экологии, как и в экономике, этот закон призван подчеркнуть, что всякая вещь чего-то стоит. Четвертый экологический закон объединяет в себе предшествующие три закона, потому что глобальная экосистема представляет собой единое целое, в рамках которой ничего не может быть выиграно или потеряно. Она не может являться объектом всеобщего улучшения; все, что было извлечено из нее человеческим трудом, должно быть возмещено. Платежа по этому векселю нельзя избежать; он может быть только на определенное время отсрочен. Нынешний кризис экосферы говорит о том, что эта отсрочка слишком затянулась.

То, что «все связано со всем» понимали еще в древности, по-разному трактуя этот принцип в разных культурах и философских течениях⁴. Б. Коммонер распространяет свой первый закон только на живое вещество. В современной физике единых теорий, или Теорий Великого Объединения, закон «все связано со всем» трактуется как связь всех фундаментальных сил и взаимодействий – сильного, слабого, электромагнитного и гравитационного; то есть здесь речь идет об объединении так называемого «косного вещества». В более широком плане смысл этого закона в Теориях Великого Объединения понимается как связь на фундаментальном уровне живого и неживого [20, с. 62]. При всем многообразии

⁴ Так, авторы древнеиндийских священных текстов выделяли общий принцип устройства и упорядоченности Вселенной, именуя его термином «Рита», которая изображалась в виде колесницы, управляемой Богами. По убеждению древнегреческих философов, в основе бытия должен лежать некий основополагающий принцип или субстанция, которые объединяют многое в единое. В качестве такого принципа пифагорейцы выдвигали число и музыкальный ряд, Платон – геометрические фигуры и т. д. [20, с. 57–61]. В средние века Джордано Бруно подчеркивал, что, как бы ни было велико число индивидов и вещей, все-таки в результате они образуют единство, и познание этого единства составляет цель и задачи всей философии и всего естествознания [21, с. 177]. В диалектике издавна существует принцип всеобщей связи явлений.

конкретных семиотик – действуют ли они в обществе природе или человеке, связующим ядром для них выступает информация [22, с. 5]. Вытекающая из этого многообразия теоретическая проблема, стоящая перед современной фундаментальной наукой, заключается в том, чтобы найти основу этой связи для всего универсума, независимо от разбиения его на части конкретными науками. Иными словами, найти основу мироздания и тем самым общую основу для всех наук.

Современная физика единых теорий, работающая над этой проблемой, вслед за Платоном полагает, что такая основа должна представлять собой некий геометрический образ, геометрическую модель внутренней структуры мироздания, из которой вытекают все законы, управляющие им.

Один из создателей квантовой механики, лауреат Нобелевской премии австрийский физик-теоретик Э. Шредингер пишет: «В эйнштейновской теории гравитации представление о материи и ее динамических взаимодействиях базируется на понятии геометрической структуры, внутренне присущей пространственно-временному континууму. Идеальным устремлением этой теории, ее конечной целью является не более и не менее как доказательство следующего утверждения: четырехмерный континуум, наделенный определенной внутренней геометрической структурой, структурой, которая подчинена определенным, присущим ей чисто геометрическим законам, должен представлять собой адекватную модель или картину «окружающего нас реального мира в пространстве и времени» со всем, что он содержит, описывающую его поведение как целого, – картину всех событий, разыгрывающихся в нем» [23, с. 10].

Геометрическая структура – это абстракция, идеальная модель, выстраиваемая нашим сознанием – идеальной же сущностью. Тем самым крупнейшими физиками XX в. (А. Эйнштейном, Н. Бором, В. Гейзенбергом, Э. Шредингером и др.) был сделан следующий шаг к признанию того, что возникновение и существование Вселенной обязано полю, более тонкому, чем материя, полю, больше похожему на информацию или сознание. Все теоретические построения создаются идеальными сущностями – нашим мышлением и сознанием. Они являются предположениями (гипотезами) до тех пор, пока не получают подтверждения эмпирическим материалом, опытом, экспериментом. Применительно к обоснованию универсальной модели мироздания такой эксперимент по ряду причин поставить нельзя⁵, хотя модель создать можно, опираясь на сознание, мышление, а также информацию из всего универсума знания, а не отдельно взятой науки. Объяснительная сила и ценность модели будут зависеть от того, какое количество объектов, их фундаментальных структур и элементов может входить в состав этой модели, подчиняясь ее геометрическим законам и свойствам. Чем большее число объектов и явлений описываются с помощью полученной модели, тем ценнее модель, тем больше соответствует она их действительному строению.

Источником такой модели будут выступать сознание и мышление ее создателя, содержанием – фундаментальное знание из универсума наук и иных областей знания, а носителем информации – естественный язык, с помощью которого модель будет создаваться. Фактически в основу связи элементов модели будет поставлена информация, важнейшим носителем которой является слово⁶. В принципе, построение универсальной модели (матрицы) мироздания и следует начинать с получения геометрического образа структуры слова, поскольку оно дано нам в непосредственном наблюдении. Понятно, что это будет не отдельно взятое слово, а слово вообще – конструктивный объект⁷, отвлеченный от форм конкретных слов в разных языках и представленный в виде геометрической фигуры. Слово выступает центральной единицей языка, что дает возможность получить простейшую модель, отражающую наиболее существенные свойства языка в целом.

⁵ Одной из причин невозможности экспериментальной проверки подобной теории в физике выступает то обстоятельство, что для проведения эксперимента требуется ускоритель, который позволил бы получать частицы с энергией порядка 10^{19} ГэВ (ГэВ – единица энергии – гигаэлектронвольт; $1 \text{ ГэВ} = 10^9 \text{ эВ}$). Крупнейший ускоритель, который можно построить на Земле (он опоясывал бы Землю по экватору), позволил бы получать частицы порядка 10^7 ГэВ [24, с. 6–7].

⁶ Виднейший физик XX в., лауреат Нобелевской премии В. Гейзенберг, говоря о роли языка в познании явлений, замечал: «Ситуация, с которой мы сталкиваемся в наших попытках "понять", может привести к мысли, что существующие у нас средства выражения вообще не допускают ясного и недвусмысленного описания положения вещей <...>. В атомной физике мы используем весьма развитый математический язык, удовлетворяющий всем требованиям ясности и точности <...>. Было бы, однако, слишком преждевременным требовать, чтобы во избежание трудностей мы ограничились математическим языком. Это не выход, так как мы не знаем, насколько математический язык применим к явлениям. Наука тоже вынуждена в конце концов положиться на естественный язык, ибо это единственный язык, способный дать нам уверенность, что мы действительно постигаем явления» [25, с. 121].

⁷ Принцип конструктивизма требует, чтобы модель была идеализацией объекта, независимой от субстанции, из которой она изготовлена, и отвлеченной от несущественных признаков объекта.

Слово как универсальная матрица мироздания. Конструктивная модель структуры слова, определяющая и структуру языка в целом, была получена нами в виде геометрического образа, включающего в себя все фундаментальные идеальные элементы слова, их связи и отношения (рис. 1).

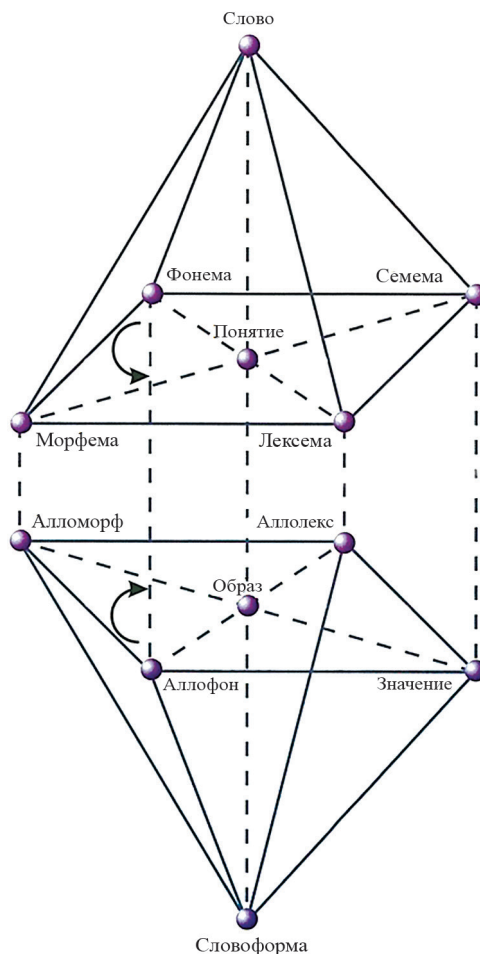

Рис. 1. Матрица слова

Fig. 1. Word matrix

Свойства матрицы слова, законы и принципы, по которым она создавалась, описаны автором статьи в ряде работ [см. например: 20; 26]. В рамках данной статьи нет необходимости подробно характеризовать матрицу слова, отметим только, что фактически она впервые представляет онтологическую структуру сознания и мышления любого человека, независимо от языка, которым он пользуется. Сознание и мышление, как известно, идеальны, но вместе с тем – они реальны. Таким образом, матричная модель слова сохраняет в себе основной принцип конструктивизма – быть идеальным, теоретическим аналогом реального объекта.

Идеальность структуры вынуждает предполагать, что в нашем сознании она может существовать как реальный объект в виде голографического образа, связанного с нейронными сетями мозга и всплывающего как фата-моргана при осуществлении мышления.

Известный американский нейропсихолог К. Прибрам в своей работе «Языки мозга» отмечал, что «всякое мышление включает, помимо манипуляции знаками и символами, голографический компонент. Голографические изображения представляют собой прекрасные ассоциативные механизмы. Они успешно и мгновенно выполняют кросс-корреляционные функции. <...> Голограммы образуются путем преобразований, которые при простом повторении, по существу, восстанавливают оригинал, из которого было составлено голографическое изображение. Голограммы – это «катализаторы мысли». Хотя сами они остаются неизменными, они входят в процесс мышления и облегчают его» [27, с. 401–407]. Внутренняя (идеальная) структура языка – это голограмма матрицы слова, только осложненная «этажами» (рис. 2). Количество «этажей» в структуре – это количество слов в ассоциативно-вербальной сети носителей языка. Для среднего носителя русского языка оно составляет 8–10 тысяч слов.

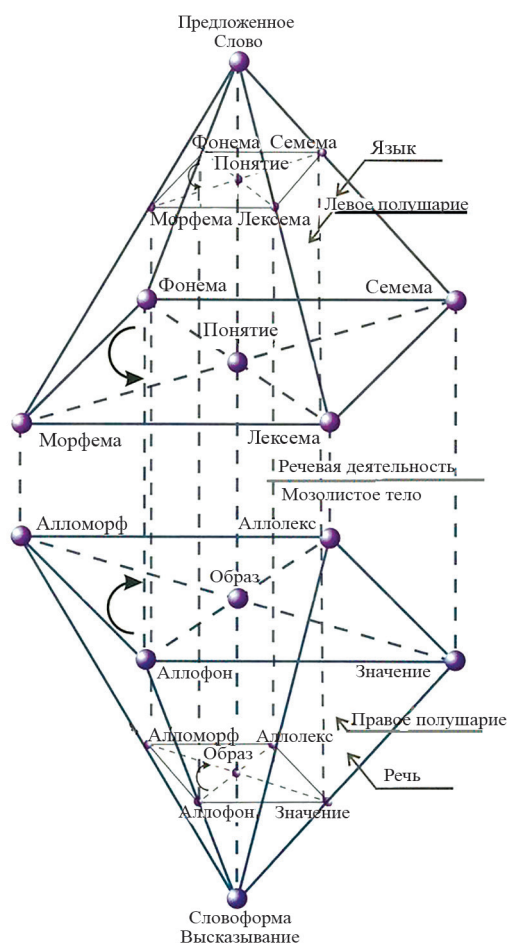

Рис. 2. Матрица языка

Fig. 2. Language matrix

Принцип структурного изоморфизма⁸ позволил распространить матрицу слова не только на язык, но и на другие объекты: большой мозг, генетический код, человека, фундаментальные физические силы, объекты макромира, включая Вселенную. Совершенно очевидно, что это не может быть простым совпадением (рис. 3). В матрице конкретно показано, что связано с чем, а в описании объясняется, на чем основывается механизм этой связи.

Описание матрицы Абсолюта в наиболее полном виде дано в работе автора «Матрица Абсолюта» [26], поэтому здесь мы не будем на этом останавливаться. Отметим только, что полученная матрица Слова возвращает нас к истокам закона «все связано со всем». Вспомним библейское «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1. 1). Однако чтобы сделать эту связь реальной, необходимо превратить матрицу из математической абстракции в конкретную сущность – назвать конкретное слово; то есть облечь слово, лежащее в основе мироздания, в физическую плоть в виде звуковых волн, выступающих носителями и передатчиками информации и энергии. Словом, которое равно Богу (Слово было Бог; Слово = Бог), может быть только его Имя. Еще античные авторы отмечали, что «если бы кто-то смог понять или назвать такое единство, которое, будучи единством, есть все и, будучи максимумом, есть минимум, то он постиг бы имя Божие» [29, с. 930]. О том, что Абсолют имеет личностную

⁸ Принцип структурного изоморфизма характеризует соответствия между структурами объектов. Две структуры, которые рассматриваются отвлеченно от природы составляющих их элементов, являются изоморфными друг другу, если каждому элементу первой структуры соответствует лишь один элемент второй и каждой связи в одной структуре соответствует связь в другой, и наоборот. Такое взаимоднозначное соответствие называется изоморфизмом. Он может быть полным лишь между идеализированными, абстрактными объектами. Изоморфизм связан не со всеми, а лишь с некоторыми фиксированными свойствами и отношениями сравниваемых объектов, которые в других своих отношениях и свойствах могут отличаться [28, с. 38].

форму, следовательно, и имя, говорил Г. Гегель⁹. Очевидным кажется тот факт, что равным человеку словом, по крайней мере, в социальной жизни, выступает его личное имя¹⁰ (в некоторых жизненных ситуациях оно оказывается даже более весомым, чем физическое присутствие человека).

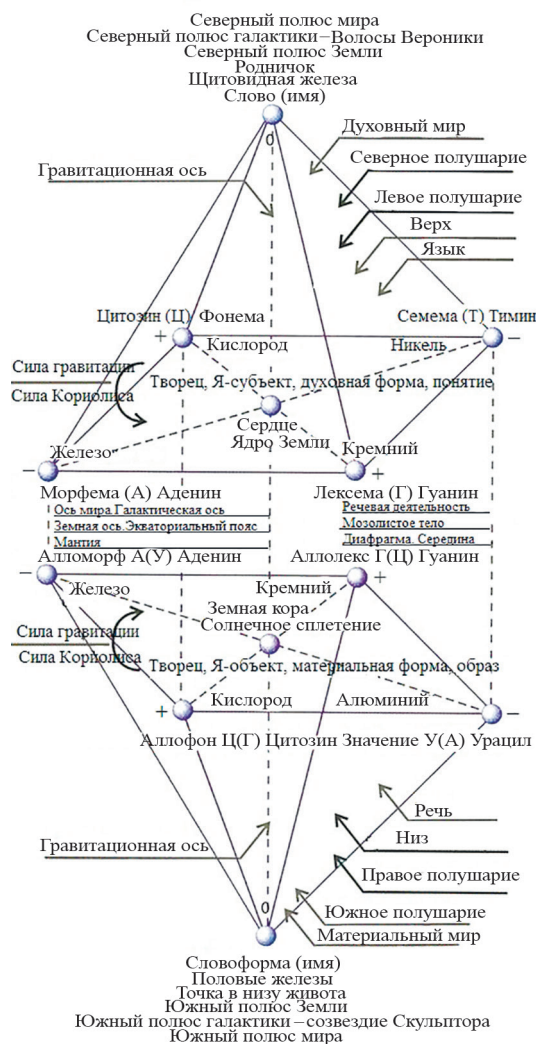

Рис. 3. Матрица Слова (имени Абсолюта)

Fig. 3. Word matrix (the name of Absolute)

Проблемы, связанные с дешифровкой кода матрицы Абсолюта и тем самым выявлением его личного имени, изложены нами в статье «Матрица Абсолюта и проблема дешифровки ее кода» [26, с. 210–218] и отчасти в другой статье – «Философия имени в трактовке С. Н. Булгакова» [32], поэтому мы не будем их касаться. Подчеркнем только, что полученная матрица слова, представляя собой матрично-волновой континуум, совершенно определенно указывает на то, что в основе всех эволюционных процессов и их связи лежит информация, по-разному реализующаяся на тех или иных уровнях бытия. Ложные информационные потоки, формируемые человеком на уровне своей деятельности, могут быть опасны и разрушительны не только для семиосферы, но и для биосферы, что со всей очевидностью проявляется в наше время.

⁹ «Если мы рассмотрим дух несколько ближе, то в качестве первого и простейшего определения его мы найдем, что он есть «Я». <...> [А Бог] «именно потому, что он дух, должен определять себя, полагать конечность в себе (иначе он был только мертвой, пустой абстракцией); но так как реальность, которую он дает посредством своего самоопределения, есть вполне соответствующая ему реальность, то Бог посредством нее не становится сам чем-то конечным. Предел, следовательно, не существует в Боге и духе, но лишь полагается духом, чтобы быть снятым» [30, с. 37]. И предел этот полагается именем Божиим, что делает Абсолюта конечным по форме и бесконечным по содержанию, минимумом и максимумом одновременно [31, с. 111].

¹⁰ Любопытно, что проведенный нами в студенческой аудитории и со слушателями повышения квалификации психологический эксперимент, предполагавший ответ на вопрос, *какое слово равно человеку?* показал, что никто из испытуемых не дал ответа – *личное имя*.

Не удивительно, что матрица Абсолюта возвращает нас не только к истокам фундаментального закона «все связано со всем», но и отправляет к истокам экологии семиосферы.

Экология языка и религии как древнейших частей семиосферы. Вопрос о соотношении языка и религии, науки и религии, религиозной и научной истины уходит своими корнями в глубину веков, получая различную интерпретацию в религиозных течениях и научном сообществе, в так называемой теории двойственной истины [см. подробнее: 26, с. 44–67]. Необходимость включения религиозного знания в общий универсум знания в новейшей истории имеет своих сторонников и противников как среди ученых, так и среди теологов. Современная культурология считает религию частью мировой культуры, поэтому в этом качестве она, безусловно, является частью культурологии, то есть частью научного знания. Сложнее обстоит дело с физико-математическими и естественными науками, хотя и здесь приверженцы широкого толкования закона «все связано со всем» полагают, что на глубинном уровне связь научной и религиозной истины несомненна. Проблема только заключается в том, чтобы обнаружить механизм этой связи.

В. И. Вернадский в рамках своей теории ноосферы полагал, что отделение науки и научного мировоззрения от деятельности человека в области религии, философии, общественной жизни или искусства неприемлемо. «Научное мировоззрение, – писал В. И. Вернадский, – есть создание и выражение человеческого духа; наравне с ним проявлением той же работы служат религиозное мировоззрение, искусство, общественная и личная этика, социальная жизнь, философская мысль или созерцание» [6, с. 193].

Религия во все времена выступала важнейшей частью семиосферы. Это связано с масштабностью распространения религии – она охватывает большинство населения Земли, глубине ее воздействия на сознание людей, ценностной силе. Семиотическое пространство религии сложно по строению и складывается из совокупности различных семиотик. Одной из главных религиозных семиотик выступает естественный язык.

Возросшее в последние годы внимание к проблемам экологии затронуло и язык. К языку как объекту экологии стали обращать свой взор не только гуманитарии (что естественно) – лингвисты, литературоведы, философы, историки, религиоведы, но и представители физико-математических и естественных наук. Характерной в этом отношении является статья «Экология слова. Концепция семиосферы Лотмана», соавтором которой выступает доктор физико-математических наук В. И. Коробко [33]. Авторы статьи полагают, что проблема экологии языка должна рассматриваться в предельно широком контексте: не только в рамках синтеза научного знания, но и как единение науки и религии в условиях глобального экологического кризиса.

Экология языка возникла в Древней Индии в незапамятные времена вместе с распространением священных текстов как экология религии. Индийская культурная традиция возводит знание, полученное индусами и зафиксированное в индийских священных текстах – Ведах, к Богу. Возникновение потребности в экологии семиотического пространства религии было вызвано чисто практическими причинами: необходимостью точного воспроизведения священных гимнов, которые существовали в устной поэтической форме и выступали главной составной частью религиозного обряда. В силу того, что ведические тексты, по представлениям древних индийцев, восходят к божественным источникам, то они имеют сакральную силу. Однако сверхъестественные возможности священного текста могут быть реализованы лишь в том случае, если текст будет воспроизводиться без малейшего варьирования языковой ткани. Правильность речевой части обряда должна была соблюдаться не только в отношении смысла, но и в отношении его звуковой формы, иначе сакральность обряда будет нарушена: выхода в божественное пространство¹¹, приобщения к нему не состоится.

Такое бережное отношение к естественному языку как главному знаковому воплощению религиозной семиосферы в дальнейшем, когда разговорные языки Древней Индии стали все больше и больше отличаться от языка священных текстов, стало толчком к развитию языкознания как науки в этой стране.

Знаковое пространство религиозной сферы включало в свой состав не только естественный язык. Как правило, обряд, связанный с ведическими гимнами, был сродни театрализованной постановке. Он включал в себя не только их речевое воспроизведение, но и сопровождался музыкой, танцами, иными изобразительными средствами. Нарушение орфоэпической правильности воспроизводимого текста священного гимна как бы разрывало связь между смежными искусствами, входящими в обряд. Поэтому правильность речевого воспроизведения религиозного текста в ведической традиции почти синонимична понятию его сакральности. С одной стороны, все это свидетельствует о многоликости религиозной практики древних индусов, а с другой – подчеркивает заложенные у них едва ли не на генетическом уровне представления о единстве языковой и духовной сфер, в которых «все связано со всем», и эту связь следует оберегать в семиотической деятельности человека.

Античная культурная традиция средиземноморской цивилизации во взглядах на роль слова в устройстве и функционировании мироздания в своем основном содержании едина с индийской. Античные

¹¹ Характерно, что вход в современное «запаролненное» киберпространство требует введения пароля с точностью его воспроизведения до каждого знака. В противном случае оно остается «глухим» к тому, кто стучится в него.

мыслители рассматривали Космос, Природу и Человека как единое целое, но это были уже не столько религиозные, сколько философские представления. Согласно этим представлениям, единство целому придает Логос (греч. *logos* – понятие; мысль, разум), который выступает как мировой разум и как начало, образующее разумность отдельного человека. С помощью слова человек формирует сакральный опыт, оно дает возможность человеку постигать и объяснять мир, приобретать знания, упорядочивать социальную деятельность. В силу начала, связывающего «все со всем», слово требует к себе особенно внимательного отношения. Его нужно правильно создавать и применять, так как в противном случае нарушится гармония в космосе и порядок в обществе. В отличие от индусов, греки с помощью слова связывают в одно целое не только человека и космос, но и природу, призывая охранять это единство в практической деятельности. Речь идет о философском направлении, которое считало, что каждое имя отражает природу обозначаемой вещи, неразрывно связано с ней и что в именах раскрывается сущность вещей. Отсюда следовало, что к словам следует бережно относиться и по причине их природной связи с вещами, поскольку именование вещи в процессе речи всегда вызывает к жизни то или иное отношение одних вещей к другим, одних людей к другим или вещей к людям, вызывает действие или становление чего-то. Неправильное применение имен будет нарушать и природную гармонию.

Индийский и средиземноморский экологический подход к слову (естественному языку) как главному связующему элементу всех сфер – космической, природной, социокультурной – характерен и для других культур и религий. Он стал одним из основных сдерживающих факторов перевода священных текстов на иные, чем язык текстов, неканонические языки¹².

Фактически же все коллизии, обусловленные историческим бытованием священных текстов, связаны с проблемой аутентичности сакрального текста его богодухновенному источнику. Перевод сакральных текстов внушал опасения: не утратят ли они святость при переводе на иной язык? Такие опасения имели под собой почву, поскольку перевод религиозного канона на новые языки зачастую приводил не просто к распространению учения, но к его развитию, видоизменению, к проявлению еретических и диссидентских движений, к расколу церкви [см. подробнее: 35, с. 232–251].

Как уже отмечалось выше, религиозная часть семиосферы включает в свой состав не только слово и естественный язык в целом, но и различные виды искусств: музыку, танцы, архитектуру, живопись и т. д. «Потрясения» в религиозном культурно-семиотическом пространстве могли вызываться нарушениями канона в этих видах искусств. Известным примером выступает так называемое иконоборчество, вызванное различным прочтением религиозных иконических знаков. Оно возникло в Византии в VIII – начале IX в., носило характер религиозно-политического движения и было направлено против почитания икон.

С одной стороны, иконоборчество возникло как чисто внутрирелигиозная борьба с идолопоклонством. Христианская церковь унаследовала от иудейства запрещение религиозных изображений, имеющее силу закона: «Не сотвори себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху... не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20:4-5). Однако в религиозной практике этот закон нарушался, и к IV в. стены христианских храмов уже повсеместно украшались живописными изображениями Христа, Богородицы, святых, библейских сцен¹³. Другой причиной борьбы с иконами был не ветхозаветный запрет, а представление о том, что божественная природа сама по себе неизобразима [см. подробнее: 36, с. 243–258].

¹² Латинский перевод Библии (Вульгата) осуществлен в 390–405 гг. Иеронимом Стридонским. В девятом столетии Библия была переведена на старославянский язык братьями Кириллом и Мефодием. В 1380 г. профессор Оксфорда Джон Виклиф сделал первые рукописные переводы Вульгаты на английский язык. Только в 1822 г. впервые был полностью напечатан Новый Завет на русском языке. Причиной сдерживания переводов могли быть и иные факторы. В истории известны случаи, когда Католическая и Православная церкви препятствовали переводу Библии на другие языки, аргументируя это желанием предотвратить ее неправильное истолкование и ошибки. Так, в 1079 г. папа Григорий VII отказал в переводе Библии, заявив: «Тем, кто часто над этим размышляет, ясно, что не без причины Всевышнему Богу угодно, чтобы Священное Писание было в некоторых местах тайной, потому что, если бы оно было понятно всем людям, возможно, его бы не ценили и не уважали; или его могли бы неправильно истолковать необразованные люди, и это привело бы к ошибке» [34]. «Тайна», «не ценили и не уважали», «неправильное истолкование необразованными людьми» – все это наводит на мысль о желании священнослужителей присвоить себе исключительное право осуществлять связь человека с Богом.

¹³ С. Н. Булгаков так объясняет это противоречие: «...икона появляется в христианской Церкви и занимает свое место, несмотря на запрет второй заповеди и как будто вопреки этому запрету, воспринятому и христианством, молча и неприметно, как нечто само собою разумеющееся. Можно, конечно, видеть в этом прямое влияние язычества или «острую эллинизацию» христианства... На самом деле христианство от греко-римской культуры избирает и воспринимает *свое*, то, что принадлежит ему, как «христианство до Христа» в языческом мире, подобно тому, как магнит притягивает к себе железные опилки. Здесь следует говорить не о влиянии на христианство, но о влиянии в христианство того, чему было естественно в него вливаться, силою внутреннего сродства. Таким образом, икона властно заняла свое место в церковной жизни и сделалась уже фактом церковного предания ранее, нежели возникает догматическая рефлексия по поводу этого факта вместе с сомнением относительно изобразимости Божества и допустимости иконопочитания: ветхозаветный запрет сначала отменяется силою факта, и лишь позже факт этот является догматически замеченным и начинает вызывать недоумение» [36, с. 247].

С другой стороны, помимо причин чисто богословского толка, иконоборчество вызывалось причинами политического и военного характера: желанием императоров уничтожить одну из главных преград для сближения христиан с иудеями и мусульманами, которые отрицательно относились к иконам; стремлением отвлечь людские силы и денежные средства от церкви и направить их в государственную казну; военными поражениями. В VII—VIII вв. Византия потерпела ряд серьезных поражений от арабских завоевателей. Император Лев III счел, «что виновником всех бед явилось растущее почитание икон», то есть служение идолам. В 730 г. он запретил почитание икон, в результате чего были уничтожены тысячи икон, а также мозаик, фресок, изваяний святых и расписных алтарей во многих храмах. Иконоборчество стало одной из причин разделения в 1054 г. христианства на западную (Римско-католическую) и восточную (Греко-православную) церкви [37].

Таким образом, одной из существеннейших особенностей религиозной семиосферы выступает ее высокая чувствительность к разному пониманию знаков, функционирующих в сфере религиозной коммуникации, что делает эту часть семиосферы предметом особой заботы экологии.

Здесь нельзя не отметить то парадоксальное состояние, о нем в свое время говорил Н. А. Бердяев, в котором очутилась эта часть семиосферы. Н. А. Бердяев, размышляя над вопросом о том месте, которое должно занимать христианство в новую эпоху, в эпоху научно-технического прогресса, отмечал, что «христиане оказались совершенно неподготовленными» к оценке происходящего, к месту техники и машины в человеческой жизни. Природный мир, в котором в прошлом совершилось христианское откровение, жили апостолы, святые – это уже застывшая реальность 2000-летней давности; мир совершенно изменился. Научно-технический прогресс разрушил прошлый, патриархальный, уклад жизни, оторвал человека от земли. Христиане научились жить в этом новом мире в двух ритмах – ритме религиозном и ритме мирском – благодаря христианскому дуализму. Однако в религиозном смысле остается неясным, что привносит в христианство этот вновь образовавшийся и развивающийся мир. Символика христианства во многом связана с органической жизнью, которая уступает место металлу, машинной цивилизации, научным технологиям. Наступившая суровая эпоха техники, новых технологий и соответствующего им духа, требует от христианства переосмысления некоторых положений вероучения, обновления форм христианской жизни [38, с. 669–670]. Все это справедливо по отношению не только к христианству, но и ко всей религиозной сфере в целом.

В прошедшие 2000 лет в семиосфере, также неотвратимо как первый и второй законы, действовал третий закон экологии – *природа знает лучше*. Что-то постепенно терялось, что-то приобреталось, что-то изменялось и в религиозной сфере, сопровождаясь то большими, то меньшими потрясениями. И если такие изменения назревают как неизбежность эволюционного процесса, то следует крайне осторожно обращаясь с ними, попытаться вписаться в этот эволюционный процесс с минимальными потерями и потрясениями. И при этом помнить про действие четвертого закона экологии – *ничто не дается даром*.

Заключение

Рассмотрение семиосферы в широком общенаучном контексте показывает, что семиосфера как часть универсума мироздания нуждается в такой же экологической защите, как и окружающий человека мир. Законы биологической экологии распространяют свое действие и на семиосферу как важнейшую часть планетарного информационного пространства. Сохранение гармонии этого пространства – задача такая же существенная, как и сохранение природы. Решать эти задачи следует комплексно, поскольку гармония в одном пространстве гармонизирует тесно связанное с ним другое.

Актуальность усилению экологизации информационной среды придают новые тенденции в развитии социума: появление глобальных информационных систем, ускорение взаимопроникновения различных культур, миграция, глобализация всех сторон человеческой жизни и др. Как в природе есть предельные уровни в развитии тех или иных систем, превышение которых приводит к необратимым процессам разрушения, так и в семиосфере существуют пределы ее искажения. Выход за эти пределы приводит к разрушению той или иной части, проявляясь на поверхности в виде природных катаклизмов, техногенных катастроф, повышению агрессивности и беспричинной жестокости людей.

Одна из задач гармонизации семиосферы заключается в предотвращении разрушительного действия на окружающую среду «антигуманных и ложных информационных потоков» (В. И. Вернадский): информационные войны, фейковые новости, насилие в медиа-пространстве и др. Фундаментальная часть этой задачи состоит в развертывании научных исследований и практических разработок в области матрицы Абсолюта. Направления таких исследований сформулированы нами в проекте «Матрица Абсолюта» [см. 28; 39]. Экологическая составляющая проекта отражена в уже упоминавшейся статье «Матрица Абсолюта и проблема дешифровки ее кода» [26]. Безусловно, необходимо также расширять конкретные исследования в области эколингвистики и экологии культуры.

Библиографические ссылки

1. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М., 2000.
2. Моррис Ч. У. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1982. С. 37–89.
3. Соссюр де Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
4. Степанов Ю. С. Семиотика. М., 1971.
5. Лотман Ю. М. О семиосфере // Труды по знаковым системам. Вып. 17. Ученые записки Тартуского университета. Тарту, 1984. № 641. С. 5–23.
6. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М., 2007.
7. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.
8. Жакоб Ф. Лингвистическая модель в биологии // Вопросы языкознания. 1992. № 3. С. 135–141.
9. Ратнер В. А. Молекулярно-генетические системы управления. Новосибирск, 1975.
10. Гамкрелидзе Т. В. Р. О. Якобсон и проблема изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5–9.
11. Якобсон Р. О. Лингвистика в ее отношении к другим наукам: Избранные работы. М., 1985. С. 387–404.
12. Гельфанд М. С. Коды генетического языка и естественный язык // Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 60–70.
13. Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М., 1978.
14. Золян С. Т., Жданов Р. И. Геном как информационно-семиотический феномен // Философия науки и техники. 2018. Т. 23. № 1. С. 88–102.
15. Золян С. Т., Жданов Р. И. Геном как (гипер) текст: от метафоры к теории // Критика и семиотика. 2016. № 1. С. 60–84.
16. Баландин Р. К. Учение о биосфере, мечта о ноосфере. Предисловие // В. И. Вернадский. Биосфера и ноосфера. М., 2007. С. 5–30.
17. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура. М., 2004.
18. Хорошаева С. Г. Концепции современного естествознания. Ростов н/Д, 2005.
19. Коммонер Б. Замыкающийся круг. М., 1974.
20. Гируцкий А. А. Структура слова: монография. Минск, 2005.
21. Бруно Д. О причине, начале и едином. М., 1934.
22. Степанов Ю. С. Вводная статья. В мире семиотики // Семиотика: Антология. М.; Екатеринбург, 2001. С. 5–42.
23. Шредингер Э. Пространственно-временная структура Вселенной. М., 1986.
24. Линде А. Д. Физика элементарных частиц и инфляционная космология. М., 1990.
25. Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М., 1987.
26. Гируцкий А. А. Матрица Абсолюта: словарь, избранные статьи. Минск, 2017.
27. Прибрам К. Языки мозга. М., 1975.
28. Гируцкий А. А. Имя и реальность в истории культуры и науки и в современном языкознании // Slavica Slovaca. 2016. Вып. 51, № 1. С. 33–43.
29. Лосев А. Ф. Бытие – имя – космос / сост. и ред. А. А. Тахо-Годи. А. Ф. Лосев. М., 1993.
30. Гегель Г. Философия духа // Энциклопедия философских наук. М., 1977. Т. 3.
31. Гируцкий А. А. Тайна имени. Минск, 1996.
32. Гируцкий А. А. Философия имени в трактовке С. Н. Булгакова // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. № 1. 2015. С. 14–19.
33. Коробко В. И., Цветлюк Л. С. Экология слова. Концепция семиосферы Лотмана // Инновации в отраслях народного хозяйства как фактор решения социально-экономических проблем современности (Москва, 05–06 дек. 2013 г.): сб. докл. и материалов III Междунар. науч.-практ. конф. М., 2013. С. 19–23.
34. Переводы библии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 17.09.2018).
35. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М., 1998.
36. Булгаков С. Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т. 2. Философия имени. Икона и иконопочитание. Приложения. СПб.; М., 1999.
37. Иконоборчество. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
38. Бердяев Н. А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. М.; Харьков, 2004.
39. Гируцкий А. А. «Единая» теория и возможности ее практического применения // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. № 3. 2013. С. 17–21.

References

1. Peirce Ch. S. [Selected philosophical works]. Moscow, 2000 (in Russ.).
2. Morris Ch. W. [Grounds of the Theory of Signs]. *Semiotika*. M., 1982. P. 37–89 (in Russ.).
3. Saussure de F. [Linguistics Works]. M., 1977 (in Russ.).
4. Stepanov Y. S. [Semiotics]. M., 1971 (in Russ.).
5. Lotman Y. M. [About semiosphere]. *Ushenye zapiski Tartuskogo universiteta*. Tartu, 1984. No 641, issue 17. P. 5–23 (in Russ.).
6. Vernadski W. I. [Biosphere and Noosphere]. M., 2007 (in Russ.).
7. Lotman Y. M. [About Art]. St.Petersburg, 1998 (in Russ.).
8. Jacob F. [Linguistic Model in Biology]. *Voprosy yazykoznanija*. 1992. No 3. P. 135–141 (in Russ.).
9. Ratner W. A. [Molecular Genetic Control Systems]. Novosibirsk, 1975 (in Russ.).
10. Gamkrelidze T. W. [R.O. Jakobson and the Problem of Isomorphism between Genetic Code and Semiotic Systems]. *Voprosy yazykoznanija*. 1988. N 3. P. 5–9 (in Russ.).
11. Jakobson R. O. [Linguistics in its Relation to Other Sciences]. *Izbrannyje raboty*. Moscow, 1985. P. 387–404 (in Russ.).
12. Gelfand M. S. [The Codes of Genetic Language and Natural Language]. *Voprosy yazykoznanija*. 1990. No 6. P. 60–70 (in Russ.).
13. Ivanov W. W. [Odd and Even. Asymmetry of Brain and Sign Systems]. Moscow, 1978 (in Russ.).

14. Zolian S. T., Zhdanov R. I. [The Genome as a Semiotic Phenomenon]. *Filosofiya nauki i tekhniki*. 2018. Vol. 23. No 1. P. 88–102 (in Russ.).
15. Zolian S. T., Zhdanov R. I. [The Genome as a (hyper) Text: from Metaphor to Theory]. *Kritika i semiotika*. 2016. No 1. P. 60–84 (in Russ.).
16. Balandin R. K. [Theory of the Biosphere, the Dream of a Noosphere. Preface]. *Biosfera i noosfera*. Moscow, 2007. P. 5–30 (in Russ.).
17. Mechkovskaya N. B. [Semiotics: Language. Nature. Culture]. Moscow, 2004 (in Russ.).
18. Horoshavina S. G. [Concepts of Modern Natural Science: Lectures]. Rostov n/D, 2005 (in Russ.).
19. Commoner B. [Closing Circle]. Moscow, 1974 (in Russ.).
20. Girutskij A. A. [Word Structure]: monograph. Minsk, 2005 (in Russ.).
21. Giordano B. [On Cause, Origin and Unity]. Moscow, 1934 (in Russ.).
22. Stepanov Y. S. [Introductory Article. In the World of Semiotics]. *Semiotika: Antologiya*. Moscow; Ekaterinburg, 2001. P. 5–42 (in Russ.).
23. Schrödinger E. [Spatio-Temporal Structure of the Universe]. Moscow, 1986 (in Russ.).
24. Linde A. D. [Particle Physics and Inflationary Cosmology]. Moscow, 1990 (in Russ.).
25. Heisenberg W. [Steps beyond the Horizon]. Moscow, 1987 (in Russ.).
26. Girutskij A. A. [Matrix of the Absolute: Dictionary, Selected Articles]. Minsk, 2017 (in Russ.).
27. Pribram K. [The Implicate Brain]. Moscow, 1975 (in Russ.).
28. Girutskij A. A. [Name and Reality in the History of Culture and Science and in Contemporary Linguistics]. *Slavica Slovaca*. 2016. Issue 51, No 1. P. 33–43 (in Russ.).
29. Losev A. F. [Genesis-Name-Space]. Moscow, 1993 (in Russ.).
30. Hegel G. [The Philosophy of Spirit]. *Entsiklopedija filosofskih nauk*. Vol. 3. Moscow, 1977 (in Russ.).
31. Girutskij A. A. [Secret of the Name]. Minsk, 1996. (in Russ.).
32. Girutskij A. A. [Philosophy of the Name in the Interpretation of S. N. Bulgakov]. *Izvestija Natsionalnoj akademii nauk Belarusi. Serija gumanitarnykh nauk*. 2015. No 1. P. 14–19 (in Russ.).
33. Korobko V. I., Tsvetlyuk L. S. [Ecology of the Word. Lotman's Semiosphere Concept]. *Innovatsii v otraslyakh narodnogo hozyaystva kak faktor resheniya sotsialno-ekonomicheskikh problem sovremennosti* (Moskva, 05–06 dek. 2013 г.): sb. dokl. i materialov III Mezhdunar. nauch.-pract. konf. Moscow, 2013. P. 19–23 (in Russ.).
34. The Bible Translations. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (date of access: 17.09.2018).
35. Mechkovskaya N. B. [Language and Religion]. Moscow, 1998 (in Russ.).
36. Bulgakov S. [The Prototype and Image]: In two vol. Vol. 2. *Filosofija imeni. Ikona i ikonopochitanije. Prilozenija*. St. Petersburg; Moscow, 1999 (in Russ.).
37. Iconoclasm. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
38. Berdyaev N. [The Meaning of Creativity: the Experience of Justification of Man]. Moscow; Harkov, 2004 (in Russ.).
39. Girutskij A. A. [Unified Theory and its Practical Application]. *Izvestija Natsionalnoj akademii nauk Belarusi. Serija gumanitarnykh nauk*. 2013. No 3. P. 17–21 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 30.10.2018.
Received by editorial board 30.10.2018.